Левиафан
с Джейсоном Реза Джорджани

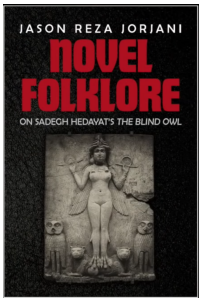
Транскрипт видео *Явление Новой Мысли* с Джеффри Мишлавом
www.newthinkingallowed.org

Записано 5 июля 2019 г.
Опубликовано на YouTube 20 сентября 2019 г.











(00:32) **ДМ:** Приветствую и добро пожаловать. Я — Джеффри Мишлав. Сегодня мы поговорим о Левиафане. Со мной — Джейсон Реза Джорджани, автор ряда книг, таких как "Прометей и Атлант", "Мировое чрезвычайное положение", "Возлюбленные Софии", "Литературный фольклор" и книги, которая ляжет в основу нашей сегодняшней дискуссии — "Иранский Левиафан". Добро пожаловать, Джейсон.

(01:01) **ДРД:** Рад быть с тобой снова, Джеффри.

(01:03) **ДМ:** Слово "Левиафан" пришло в западную культуру благодаря Книге Иова в Библии. Не так ли?

(01:11) **ДРД:** Именно так. В Книге Иова Бог описывает Левиафана как своего посредника и как величайший инструмент своей власти на Земле.

(01:22) **ДМ:** И он был настолько ужасен, что даже другие *элохим,* или "небесное воинство", как их называют, ужаснулись.

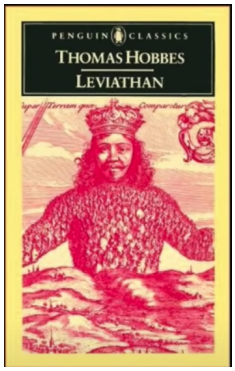
(01:34) **ДРД:** Именно. Бог говорит, что другие боги, *элохим*, другие божественные существа, ужаснулись, когда Левиафан поднялся из моря со своими пылающими глазами и огнедышащими ноздрями и так далее.



(01:51) **ДМ:** Это своего рода морское чудовище?

(01:54) **ДРД:** Это очень любопытное описание, потому что с одной стороны оно говорит о морском змее или драконе, но также описаны его необычные механические качества. На зубчатом брюхе Левиафан проползает сквозь болотную грязь. (*"Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи" Иов.41:22 — прим. пер.*). И описание в книге того, как сцепляется его чешуя (*"Крепкие щиты его - великолепие; они скреплены как бы твердою*

печатью; один к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними; один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются." Иов.41:7-9 — прим. пер.), вызывает в памяти металлическую или механическую конструкцию. И Томас Гоббс, кто, кстати, использовал образ Левиафана в своём классическом политическом трактате, ухватил именно это, когда он описал Левиафана как своего рода автомат. Мы ещё дойдём до этого в нашем обсуждении.



(02:37) **ДМ:** Но, честно говоря, насколько я знаю, если посмотреть на упоминания в Библии — Левиафан в ней особо больше и не упоминается.

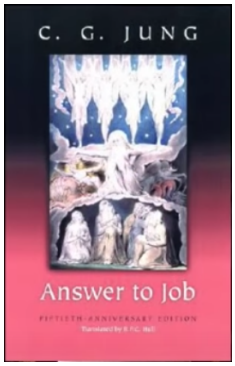
(02:45) **ДРД:** Нет. Но он становится предметом обсуждения у теологов, из-за чего, как я думаю, Гоббс заимствовал его как политическую метафору.

(02:55) **ДМ:** Какова же цель упоминания Левиафана в Книге Иова, почему он появился в конце концов?

(03:05) **ДРД:** Как демонстрация могущества Бога. Нужно читать книгу Иова и увидеть, в чем собственно мораль этой истории. А история повествует о самом праведном человеке в мире в то время. У Иова была репутация самого праведного человека своей эпохи. Он изображён как хороший семьянин, который щедро делится своим богатством, особенно, когда он совершает жертвоприношения Богу. Он — очень благочестивая и милосердная личность. Он живёт благословенной жизнью. И тогда Сатана появляется на божьем совете и насмехается над Богом, говоря, что: "Единственная причина по которой Иов, считаюшийся самым праведным человеком в мире, так благодарен Тебе, это потому что Ты наградил его такой благополучной жизнью. И если бы Ты наградил этого человека бедствиями, то даже он, даже Иов, самый праведный человек, проклянул бы тебя".

(04:06) **ДМ:** Сатана, что называется, шепнул Богу на ушко.

(04:10) **ДРД:** Да, это весьма своеобразно. Это первая заметная роль Сатаны в Библии. И следует заметить, что этот текст, как Томас Гоббс подчёркивает в своём комментарии, этот текст был написан в то же самое время, что и Книга Эсфирь, то есть во время или после Вавилонского плена. Другими словами, это было написано под иранским влиянием. Идея Ахримана в Зороастризме, идея противника Бога вошла в иудаизм именно в этот период. И главное появление Сатаны в Библии было, конечно же, в Книге Иова. Он играет там столь значимую роль, что по сути он провоцирует Бога на то, чтобы совершить определённые действия, глубоко несправедливые.



(05:07) **ДМ:** И Карл Юнг в своей книге "Ответ Иову" обвиняет Бога в том, что он морально несостоятелен.

(05:13) **ДРД:** Да, что действительно происходит тут на более глубоком уровне —

это то, что мы видим изображение Сатанинской силы как части самого Божества. В мифической образности этой истории Сатана изображён как независимое существо, подстрекающее Бога на собрании ангелов. Но что на самом деле было здесь сказано, в метафизическом и моральном смысле, так это то, что сатанинская природа — часть природы Бога. И это проясняется в самой истории, по мере раскрытия сюжета.

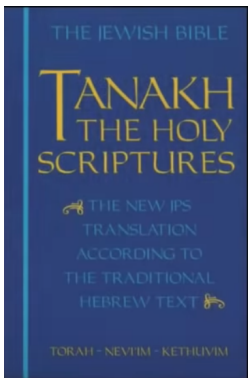
(05:46) **ДМ:** Это очень отличается, я скажу мимоходом, от описания Сатаны Джоном Мильтоном как падшего ангела, живущего в аду.



(05:57) **ДРД:** Да, это очень многосторонний вопрос. Это выходит за рамки нашей беседы. Но мы, вероятно, коснёмся этого в другой раз.

(06:08) **ДМ:** Да, мы же не Сатану обсуждаем, а Левиафана, который представлен Богом в Книге Иова, я думаю, определённо более могущественным, чем Сатана.

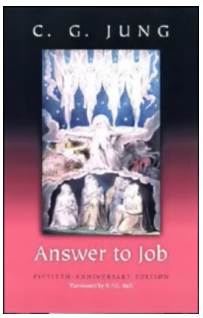
(06:22) **ДРД:** И вот случилось, что Сатана спровоцировал Бога, сказав: "Смотри, если ты отнимешь у Иова его богатства и разрушишь его счастливую жизнь, он проклянёт тебя". И Бог сделал это. Но Иов всё ещё отказывается проклянуть Господа. Он остаётся праведником. Но тогда Сатана поднимает ставки и говорит Господу: "Ты ещё не привёл этого человека в отчаяние. Если ты поразишь этого человека болезнью и сокрушишь его тело — несомненно он будет оплакивать твою несправедливость". И Бог сделал это, и Иов заболел, покрылся язвами, и никто не хотел приближаться к нему. И он сидел на земле, сдирая с себя кожу. И его жена сказала ему: "Ты столь жалок и убог, я хочу покончить со всем этим!" Иов и в этот раз не проклинает Бога, но начинает вопрошать Бога. Он начинает вопрошать, почему праведный человек, такой как он, который, очевидно, не совершил ни единого греха, страдает от такой ужасной несправедливости. И в этой части истории появляются трое друзей Иова, чтобы составить компанию и посочувствовать ему. И эти трое друзей начинают выдвигать прото-философские аргументы, чтобы оправдать божью праведность. Они отстаивают позицию , что Бог награждает праведность и наказывает порочность. И значит Иов совершил какой-то грех, который сам не осознаёт, потому что Бог не поступает беззаконно с праведниками. В общем, они придумывают отговорки для поведения Бога, пытаясь оправдать его действия с рациональной и моральной точки зрения. И после всего этого сам Бог вмешивается. Бог появляется из вихря, как он делает это несколько раз в Танахе (*Ветхом Завете — прим. пер.*). Он обращается к Иову и говорит ему по существу: "Посмотри, где был ты, когда Я сотворил мир. Где был ты, когда Я создал жизнь на Земле". И в этом хвастовстве своим величественным могуществом над всем созданным Бог изрекает нечто поистине тревожное с моралистской точки зрения. Он говорит Иову: "Есть ли у тебя длань, как у меня? Если бы ты мог остановить своей правой рукой все, что пожелаешь, то даже я восхвалил бы тебя". Другими словами, Бог говорит Иову: "В моей силе — единственное моё оправдание. Если бы ты был таким же могущественным, как я, или более могущественным, то ты бы мог пожаловаться на меня по любой причине. Но по факту я здесь главный. И твои друзья ошибаются, когда думают, что мне нужно какое-то рациональное



или моральное оправдание моих действий". И тут образ Левиафана появляется в тексте. Бог показывает различные примеры своей творческой силы и его контроля над природой, и он говорит: "Кто сможет поймать Левиафана на крючок?" И он описывает ужасающую сущность, не сказать что зверя, потому что, как я упоминал, определённые аспекты в его описании напоминают механическое устройство. Но он описывает вот это нечто, что поднимается из глубин моря. Он похож на морского змея или дракона, эта плотно сцепленная чешуя, которая почти кажется металлической, пылающие глаза и дымящие ноздри. И он оставляет какие-то белые следы в океане — волны за собой, когда он поднимается из океана. И здесь любопытная отсылка — как исполины, заключённые в тюрьму под океаном, ужасаются этому. Вот есть этот образ Левиафана, зверя божьего, который усмиряет всех гордых и напоминает, что всем надо знать своё место в сотворённом мире.

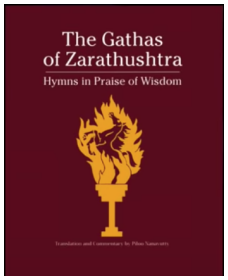
(10:43) **ДМ:** Это очень мощный образ чистого ужаса, чистой силы.

(10:51) **ДРД:** Да, и после этого появления Левиафана Иов говорит Богу: "Я раскаивась, я ничего не знал, чтобы вопрошать о Тебе, я — лишь прах и пепел". И когда Иов понял мораль истории, Бог восстановил всё его богатство и сделал его жизнь даже более благословенной и счастливой, чем раньше.



(11:18) **ДМ:** Карл Юнг в "Ответе Иову" находит это очень разочаровывающей концовкой.

(11:27) **ДРД:** Это глубоко тревожит. Это бросает вызов идее морального бога. И что нам следует помнить — в по-настоящему архаичных обществах: в шумерском, в вавилонском, в архаичном греческом обществе времён гомеровских эпосов моральных богов не было. Боги были аморальны, безнравственны. Можно было лишь обращаться к тому или иному богу или богине для защиты себя от гнева или садистской манипуляции со стороны других богов. Идея морального бога по-настоящему не появляется в человеческой истории до Заратустры и его гат, и его концепции Ахурамазды как абсолютно доброго Бога, чьи действия не только моральны, но и могут быть рационально оправданы. Ахурамазда, Господин Мудрости, изображён в гатах Заратустры как Высший Разум, чьи действия всегда разумны, который может, если потребуется, объяснить причину своих действий.



(12:40) **ДМ:** И он противопоставлен космической противо-силе в форме Ахримана.

(12:47) **ДРД:** Именно. И в Книге Иова происходит вопрошание к идее морального бога, которая только появилась в человеческой истории — незадолго до того, как этот текст, вероятно, был составлен. А составлен он был в период Ахеменидской Персидской империи. И под иранским влиянием идея морального бога начинает распространяться на обширном космополитическом пространстве, управляемом персами. И тут в Книге Иова мы видим ответ на это, и кто бы ни

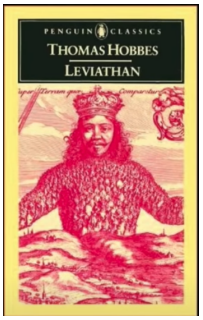
написал этот текст, в нём он указывает на то, что Богу не нужно моральное оправдание своих действий, сила властелина и есть его оправдание. И то, что зороастрийцы полагали сатанинской, злой противо-силой, на самом деле является частью самого божества.

(13:44) **ДМ:** Что является, я думаю, по крайней мере отчасти аргументом. Я продолжу ссылаться на Карла Юнга, и я знаю, он не совсем к месту в нашем обсуждении, за исключением того, что он был глубоко увлечён Книгой Иова, но в чём-то противоположным образом. Юнг утверждал: "Мы должны расширить нашу концепцию божества, сам по себе иудео-христианский бог не подходит для нужд цивилизации".



(14:13) **ДРД:** Это так, и позволь мне просто заметить. Хотя в "Иранском Левиафане" я ни разу не упомянул Карла Юнга, юнгианская идея возвращения из коллективного бессознательного того, что было вытеснено (*из сознания — прим. пер.*) — центральная для этого текста. И я глубоко осознавал это, когда писал эту книгу, хотя я ни разу не ссылался на Юнга.

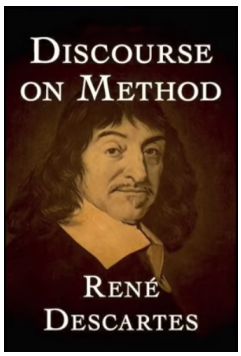
(14:40) **ДМ:** Значит, мы видим в Книге Иова, что у Бога есть создание, действующее от его имени, выполняющее волю божью и наводящее страх на других, даже на *элохим,* или небесное воинство, когда необходимо. И вот Томас Гобсс, гораздо позднее в истории, по-моему, в начале XVII-го столетия или в XVI-м, я не совсем уверен...



(15:10) **ДРД:** В начале XVII-го.

(15:11) **ДМ:** ...В начале XVII-го столетия берётся за идею Левиафана в своём знаменитом политическом трактате.

(15:17) **ДРД:** Верно. Гоббс упоминает Левиафана в трёх местах в книге с этим именем. И это интересно — всего лишь три упоминания в толстой книге, и он непосредственно говорит о Левиафане лишь три раза. В первый раз, когда он делает это — во вступительном параграфе книги. Он обращает внимание на эти механические свойства в описании Левиафана в Книге Иова. И он опознаёт в Левиафане механизм, автомат, даже искусственную форму жизни, и это — государство. Государство — это искусственная форма жизни. И смотри — Гоббс был современником Декарта. И он вёл, ну, то есть он не обязательно вёл переписку с Декартом, но случилось так, что публицист Декарта Марен Мерсенн, иезуит, о котором мы говорили давно в одной из наших бесед как о популяризаторе Декарта и как о человеке, связанном с иезуитской инквизицией и т. д... Марен Мерсенн попросил Гоббса написать рецензию на работы Декарта, и Декарт сделал ответные публикации. То есть они находились в общении друг с другом. И Декарт — это мыслитель, наиболее известный благодаря развитию концепции человеческого тела как механизма, разум которого подобен *призраку внутри машины*. Гоббс переносит эту метафору на социальный уровень, когда он помышляет о государстве как о машине. И *суверен* подобен душе, сокрытой внутри



государственного аппарата.

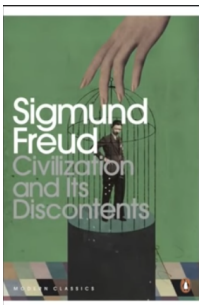
(16:56) **ДМ:** Другими словами, это король — когда ты говоришь *суверен*.

(16:59) **ДРД:** Да, хотя совсем необязательно "Левиафан" Гоббса, который мы собираемся обсудить, должен рассматриваться как аргумент за абсолютную монархию, но назвать его аргументом за абсолютную суверенность, за силу и независимость будет точнее, потому что *суверен* необязательно должен носить титул короля и корону короля на своей голове. Это вопрос формы, политической формы, анализируемой в данном случае. Но описание Левиафана в начале книги интересно, потому что Гоббс фактически утверждает, что государство — это разновидность технологии.

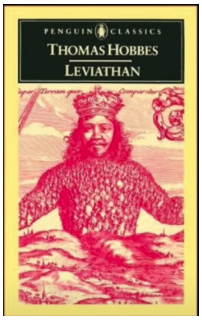
(17:35) **ДМ:** Которая создана человеком. Так ведь?

(17:40) **ДРД:** Да. И во второй раз Левиафан упоминается в контексте раскрытия идеи *общественного договора*. Люди подчиняют свою индивидуальную волю и отказываются от своих преимуществ естественного состояния для того, чтобы получить то, что они формируют коллективно — то, что даст им защиту и безопасность. И в данном контексте Левиафан описывается как унитарная личность *суверена*, когда множество индивидов конституируют единое тело *суверена*. И на фронтисписе первых изданий книги Гоббса, ещё при его жизни, изображён рисунок. И на этом рисунке голова *суверена* вырастает из плечей и шеи, состоящих из множества индивидов. И этот образ восходит к "Государству" Платона. Государство как единый человек. И Гоббс очень серьёзен, когда использует этот образ. Настолько серьёзен, что фактически он приступает к необычному размышлению о пчёлах и муравьях — как о существах, у которых есть сверхразум улья, созданиях, которые благодаря своим инстинктам не имеют конфликта между личной и коллективной волей. Другими словами, личная воля муравья или пчелы отождествима с коллективной волей и обеспечивает коллективное благополучие — и всё из-за их инстинктов. И он проводит различие между человеческой природой и природой насекомых. И утверждает, что поскольку человеческая природа такова — люди как волки, они охотятся на слабых — то в конце концов волки обратятся друг против друга. И государство необходимо для того, чтобы держать людей под контролем и обеспечивать условия для развития искусства и культуры, что без государственной торговли и промышленности было бы невозможно. Как он выразился: человеческая жизнь была бы короткой, гадкой и звероподобной. Одинокой, гадкой, звероподобной и короткой.



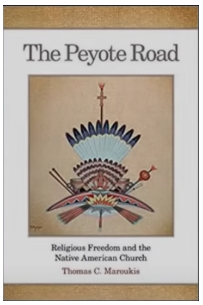


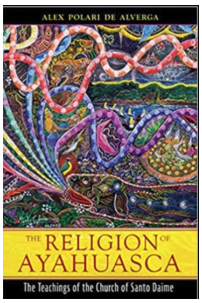
(19:54) **ДМ:** Мы говорили о Карле Юнге, и ты упомянул концепцию возвращения подавленного, но, насколько я помню, эта концепция появляется ещё у Фрейда, и Фрейд обращается к той же проблеме в своей книге "Недовольство культурой", в которой он подчёркивает, что, поскольку мы цивилизованы, мы подавляем все эти так называемые нецивилизованные части нашей психики, агрессивные и похотливые побуждения. Фрейдовское бессознательное именно в этом.



(20:26) **ДРД:** Да. Но Фрейд говорит об индивидуальном уровне, с точки зрения индивидуальной человеческой психики. А Гоббс озаботился созданием функционального общества. И третий пример из книги "Левиафан", когда Гоббс ссылается на образ Левиафана в тексте, это Левиафан как смертный бог. Он говорит о нём как о смертном боге, усмиряющем всех гордых тварей на земле. Под этим он подразумевает идею, что Левиафан, то есть *суверен* — это наместник Бога или представитель Бога на земле. И это уведёт нас к длинным частям этого текста, где Гоббс доказывает, что церковь, или религия, должны быть полностью объединены с государственной властью. Не должно быть никакого иного религиозного авторитета, который мог бы соперничать с *сувереном* за право считать народ верноподданным. И Гоббс критикует идею, что чудеса могут происходить в настоящее время и что пророки могут приходить с новыми религиозными откровениями. Он утверждает, что все эти вещи случались лишь в прошлом. В том был особый замысел Бога — что ученики Христа могли совершать чудеса, а сейчас они больше не происходят. Разве что какое-нибудь чудо может произойти — только если государственная церковь подтвердит это. И государство — это та инстанция, которая определяет как интерпретировать священное писание и что считать каноническим откровением. И я думаю, хотя это звучит, как бы это выразить — для современного читателя Гоббс высказывает очень хорошую мысль, когда он подчёркивает, что защитники религиозной свободы в более либеральном демократическом государстве отрицают тот факт, что могут быть религии, которые фундаментально противоречат государственной конституции. Могут существовать религиозные доктрины, которые призывают к ряду правил поведения для частного лица, которые приводят этих лиц к тому, что они нарушают гражданские законы. Так что далеко не к любой религии можно терпимо относиться в государстве.

(23:04) **ДМ:** По-моему, у нас была эта проблема, возникшая в Соединённых Штатах. Я имею в виду Церковь Коренных Американцев и её защиту ритуалов с пейотлем. Или Церковь Санто-Дайме, что поддерживает использование аяуаски в священных целях.





(23:20) **ДРД:** Да, и если принять более циничный подход Гоббса, я думаю, он бы ужаснулся, увидев как религиозная свобода в его собственной стране привела к тому, что закрываются глаза на шариатские суды в разных пригородах Лондона, и Манчестера, и в других британских городах.

(23:40) **ДМ:** Можно во множестве подобрать примеры

религии, когда она способна подорвать авторитет власти монарха.

(23:49) **ДРД:** Да, и Гоббс, я думаю, он смотрел очень ясным взглядом, очень трезво, оценивая эту опасность. И подчёркивал: поскольку религия — могучая сила в обществе, постольку государство должно взять её под контроль. Религия не должна отнимать у государства лояльность граждан.

(24:11) **ДМ:** Я думаю, нужно признать, как ты упомянул ранее, Гоббс был циником. Может и не циником в философском смысле, но циником по отношению к религии.

(24:22) **ДРД:** Да, и в его рассуждениях по поводу чудес и откровения, и особенно когда он говорит о том, что не существует демонов. А наука демонологии жила и здравствовала даже в его время — не стоит забывать о салемских судах над ведьмами примерно в то же время, людей все ещё сжигали на кострах как колдунов и ведьм. Его критика веры в то, что какие-то люди обладают демонической силой, показывает, что он — настоящий материалист и рационалист, которого заботит исключительно религиозное писание, потому что он хочет быть уверен, что церковь, религиозная сила в обществе находится под контролем государства.

(25:09) **ДМ:** Давай поговорим немного об общественной обстановке, в которой Гоббс писал. Это было примерно во время гражданской войны в Англии.

(25:21) **ДРД:** Это был в период гражданской войны в Англии. И в общем-то Гоббс был изгнан вместе с группой монархистов, добрался до Парижа. Он стал наставником Принца Уэльского в 40-х годах XVII века. И он пишет это обоснование абсолютной монархии в период английской гражданской войны, в период краха и распада Британского государства. И это сильный мотивирующий фактор для него — в его аргументации в пользу сильного независимого правителя. Также исходила иностранная угроза от испанцев. Гоббс был рождён в 1588 году, он говорил, что роды его матери были вызваны страхом того, что испанская армада направлялась к Лондону. И он шутил, что: "Моя мать родила близнецов: меня и страх". И это весьма соответствует атмосфере его труда, его книги.

(26:23) **ДМ:** Когда я был в начальной школе, по-моему, Томаса Гоббса и “Левиафана” упоминали. Но дело в том, что Левиафан был символичен не из-за того, что он — сила Бога, но он символизировал саму человеческую природу, ведь в самой своей сути мы — чудовища со всеми возможными агрессивными и сексуальными побуждениями. Мы сами — звери. И вот почему нам нужен общественный договор.

(26:57) **ДРД:** Да, Гоббс обладает, как некоторые думают, очень циничным взглядом на человеческую природу. Он говорит об этом в тексте, он пишет: "Для всех, кто думает, что у меня слишком мрачный взгляд на человеческую природу, пусть они решат сами для себя: почему они всегда путешествуют вооружёнными, почему они закрывают двери своих домов, если они так доверяют соседям, почему, когда они внутри своих запертых домов, почему они запирают все шкафы там, где частные кабинеты, так что их слуги и их дети не могут проникнуть в них?” Другими словами, он просит своих критиков изучить по-настоящему поведение себя самих и избавиться от

иллюзий, касающихся их подлинного отношения к собратьям по человеческому роду.

(27:38) **ДМ:** Гоббс ведь пишет как политический теоретик?

(27:43) **ДРД:** Конечно.

(27:44) **ДМ:** Он выступает за абсолютную монархию, тот вид монархии, чья власть обоснована понятием божественного благословения, это власть как дар высшего божества.

(27:59) **ДРД:** Это аргумент в пользу божественного права королей, хотя это может быть действительно проблематично. Я хочу в конце концов подобраться к вопросу почему это проблематично, и действительно ли этот аргумент обосновывает божественное право королей. Но в некотором смысле, я думаю, это очень убедительный, шокирующе убедительный аргумент, учитывая тот факт, что либеральная демократия почти неоспорима в нашем мире. Если посмотреть на действительный аргумент за сильную монархию, который Гоббс выдвигает, это интересно, я имею в виду, у него очень сильные позиции, которые он занимает. И этот аргумент построен очень элегантно. Во-первых, он утверждает, что правительство в принципе необходимо. Ведь природное состояние — это состояние войны. Это не означает, что постоянно ведётся война. Состояние войны означает что грозовые тучи войны всегда собираются. Это состояние войны сравнимо с ненастьем. И в любой миг могут разразиться гром и молния конфликта. И в состоянии нестабильности искусство, и культура, высокая культура, производство и торговля невозможны, и люди живут в несчастьях и нищете недостойной человека жизнью. И потому какой-то вид правительства необходим. И далее он пишет только о трёх типах правительств, которые, как он думает, существуют: о демократии, об аристократии и о монархии. И он утверждает, что люди подобные Платону и Аристотелю делают ошибку, когда они считают, что есть другие формы правительства, такие как тимократия (*греч. "власть честолюбцев" — прим. пер.*), олигархия, тирания. Он считает, что всё это термины для обозначения тех же самых форм правительств, которые применяют их критики. То есть сторонник демократии будет склонен видеть в монархии тиранию. А аристократ будет утверждать, что демократия — это на самом деле анархия. Демократ может видеть в аристократической политической системе олигархию, как и защитник монархии. Защитник монархии может также пытаться оправдать правление одного владыки, утверждая, что аристократы — это по сути развращённые олигархи. И один справедливый владыка необходим, чтобы навести порядок. Он выкладывает эти три политических строя и потом выдвигает аргументы за монархию. И он придерживается шести доводов в аргументации в пользу монархии.

(30:30) **ДМ:** И я предполагаю, что самый очевидный это: если у вас единый монарх, то тогда будет меньше людей, развращённых властью.

(30:38) **ДРД:** Да. Он утверждает, что умножение *суверенов* или разделение суверенной власти, когда властью наделяются все члены в аристократическом или даже в более крупном демократическом собрании, лишь означает, что умножается развращённость, коррупция. Потому что любой из этих людей, кто разделяет с другими и образовывает суверенную власть, может быть коррумпирован. И раз король и королевская семья могут быть склонны к кумовству, то также и

члены конгресса могут действовать не в интересах народа и государства, но будут обогащать свои собственные семьи. Умножение *суверенов*, разделение суверенной власти лишь умножает коррупцию. И он приводит для меня очень убедительный довод: ни один король не захочет править бедным и угнетённым народом. Любой король увидит процветание своей нации и благополучие своих подданных как то, что делает ему честь. Это хорошо отразится на нём, то, что он — король зажиточного, успешного и процветающего народа. Нет никакого смысла для короля обогащать лишь себя и свою семью, разоряя государство и народ своими расходами и тратами.

(31:53) **ДМ:** Расходы должны быть умеренными.

(31:58) **ДРД:** В конце концов у него серьёзная ответственность на своих плечах.

(32:02) **ДМ:** И я подозреваю, предполагается, что король должен быть самым богатым, богаче всех подданных?

(32:09) **ДРД:** Можно привести аргумент для этого просто с точки зрения угроз престолу, потому что если кто-либо вне правящей власти накопит значительное количество богатства, то это будет представлять угрозу национальной безопасности. Но тут, конечно, должна быть непростая дискуссия на данную тему.

(32:27) **ДМ:** Значит, Гоббс выставляет все свои аргументы в пользу того, что он называет монархией, под которой он не имеет в виду конституционную монархию. Его понимание ближе к тому, что мы считаем чистым монархом.

(32:42) **ДРД:** Да, Гоббс полагает, что конституционная монархия — это глубокое заблуждение. Такой вещи как конституционная монархия просто не существует. Под конституционной монархией люди обычно имеют в виду либо некую аристократию, либо демократию. Может существовать аристократический строй, при котором монарх — это лишь председатель, который может быть смещён другими аристократами, если они в чём-то не одобрят его действий. И это показывает, что именно группа аристократов наделена суверенной властью, а не монарх. И даже более так в случае демократического собрания — как в парламентских монархиях нашего времени. Если всё демократически избранное собрание, парламент, может сместить монарха, это означает, что суверенностью на самом деле наделён народ. И у него есть лишь ностальгическая культурная привязанность к идее монархов прошлого. Люди не могут расстаться с этим королём как с символом, но они могут также просто установить демократическую республику.

(33:45) **ДМ:** Похоже, ты утверждаешь, что Гоббс относительно невосприимчив ко многим нюансам, которые могут существовать между разными формами правительства.

(33:57) **ДРД:** Не думаю, что он невосприимчив, я думаю, он — очень резкий в своей критике по отношению к ним. Но вернёмся к шести аргументам за абсолютную монархию. Второй аргумент связан с советами, из которых король извлекает пользу, когда принимает свои решения. И Гоббс подчёркивает, что монарх может лично принять совет от кого захочет — с целью принять лучшее

решение по вопросу. И он может сделать это в тайне задолго до того, как принять решение, например, начать войну или начать проведение спорной политики реформ в государстве. В то время как при аристократии или при демократии люди, которые могут давать советы *суверену*, должны соответствовать определённым критериям, принятым всеми, кто связан с властью. Конгресс просто не позволит каждому давать советы президенту. Допустим, просачивается информация, что некоторые люди советуют президенту, и он принимает основные политические решения, основываясь на этих советах, и конгресс не одобряет вот этого конкретного индивида, которому довелось дать совет. Или это скандально по какой-то причине — то, что данный индивид является советником *суверена*. И это помешает *суверену* получить наилучшие советы из возможных. И также, когда *суверену* приходится разделять власть с собранием или когда он подотчётен собранию, то тогда всплывают сведения — какой совет от кого он получил. И это также может вызвать скандал до того, как он успеет лично глубоко поразмыслить над решением, основываясь на совете, который он получил от определённой персоны. А при монархии *суверен* может принимать советы от людей с совершенно противоположными взглядами касательно проблемы. И ни один из них не будет знать, что другой также является советчиком короля. Так что Гоббс считает, что при монархической системе могут приниматься самые продуманные решения.

(36:03) **ДМ:** И труды Гоббса были, я так понимаю, относительно влиятельными?

(36:10) **ДРД:** Да, думаю, были. Но думаю, большее влияние они оказали на критиков Гоббса, которые развили теорию либерально-демократического общественного договора.

(36:21) **ДМ:** Я полагаю, как мы обсуждали ранее, что многие из отцов-основателей, авторов американской конституции, должны были быть знакомы с книгой Гоббса.

(36:32) **ДРД:** Да, уверен, что такие люди как Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин должны были быть знакомы с Гоббсом.

(36:40) **ДМ:** Я полагаю также, что они, вероятно, отвергали его очень пессимистический взгляд на человеческую природу.

(36:47) **ДРД:** Да, хотя, если бы они были живы сегодня и увидели, как сильно коррумпирован наш Конгресс со своими особыми интересами и тому подобным, то я не уверен, что... ну то есть они могли бы пересмотреть своё отношение к Гоббсу. И третий аргумент Гоббса как раз связан с выборным собранием, погрязшим в коррупции из-за своих особых интересов. Он пишет: "Да, это правда, что король может принимать плохие решения, потому что он окружён льстецами" — теми, кого он называет льстецами, людьми, у которых есть определённые свои интересы, и они оказывают излишнее влияние на монарха. Они преклоняются перед королём, чтобы сподвигнуть его принять определённые решения. И Гоббс указывает, что в собрании количество льстецов лишь увеличивается, потому что каждый из членов как аристократического, так и демократического собрания имеет своих собственных льстецов, окружающих его и склоняющих к принятию решений отнюдь не в интересах народа. И я думаю, мы воочию наблюдаем это сегодня, если посмотреть на возможности лоббирования, которые имеются у фармацевтических компаний, или на особые

интересы нефтяных компаний, которые вмешиваются в принятие решений Конгрессом, что явно не в интересах американского народа в случае Соединённых Штатов.

(38:05) **ДМ:** Можно вывести из работы Гоббса "Левиафан" противоположность тому, что хотели отцы-основатели, то есть абсолютного монарха.

(38:18) **ДРД:** Да. И другая ситуация, которую я вижу в Соединённых Штатах, относящаяся к аргументу Гоббса, к четвёртому из аргументов, который он приводит в "Левиафане" — это то, что для осуществления долгосрочной политики необходим кто-то вроде монарха. Мы видели в 1970-х: программа "Аполлон", и амбиции, связанные с колонизацией Луны, и американская экспансия в космосе — всё это прекратилось решением Конгресса. И я думаю, что это катастрофа, откровенно говоря. Я думаю, это была катастрофа для человечества в целом — отказаться от этого стремления. Просто подумайте — где бы мы могли быть сейчас как биологический вид, если бы этот проект продолжился. И не столь давний пример, вот, скажем — программа здравоохранения Обамы. Вы можете быть за или против, я не занимаю какую-то позицию по этому вопросу, но с точки зрения тех, кто утверждает, что охрана здоровья есть универсальное человеческое право — это фундаментальное политическое решение. И основать в стране такого размера, как Соединённые Штаты, программу всеобщего здравоохранения, существование которой Конгресс поставит под вопрос четыре года спустя — это серьёзная проблема. И Гоббс подчёркивает это в "Левиафане", когда пишет, что собрания склонны изменять свои решения с точностью до наоборот после какого-то количества лет, когда поменяются представители. И только при монархии можно принимать эффективные долгосрочные решения.



(39:44) **ДМ:** Точно также как у древних царей, у самых первых персидских царей был долгосрочный проект, при исполнении которого сменилось несколько монархов — восстановление Иерусалимского Храма.

(39:57) **ДРД:** Именно. Этого бы никогда не случилось при греческой демократии. И пятый аргумент Гоббса, который, как я считаю, очень близко связан с данной проблемой долгосрочных политических дел — это то, что внутри самого собрания могут быть разногласия, доводящие до жестокости, до начала гражданской войны. И это животрепещущий вопрос сегодня, я думаю, если посмотреть на смену режима в такой стране как Иран, где живут различные этнические группы и племена, агитирующие за отделение и независимость. И если бы в Иране была чистая демократия, парламент, избранный народом, то там были бы различные фракции, занятые по-настоящему ожесточёнными спорами друг с другом с опасностью подрыва государства изнутри. Это несомненная опасность, с которой Гоббс столкнулся в Англии в своё время, когда он писал "Левиафана". Он свидетельствовал о дезинтеграции и доведении британского государства до гражданской войны.

(41:15) **ДМ:** И можно посмотреть на различные законодательные органы по всему миру и увидеть как там дерутся на кулаках.

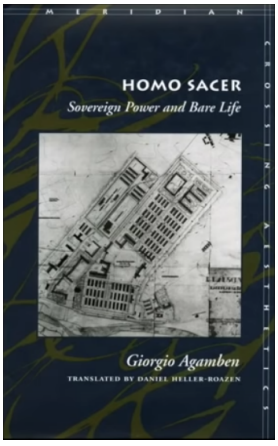
(41:23) **ДРД:** Да, да, Но это гораздо опаснее в стране с перспективой того, что мы называем "балканизация". Мы называем это балканизацией после того, что случилось при распаде Югославии. Гоббс имеет это в виду, когда пишет, что собрания склонны к таким жестоким разногласиям, к жестоким внутренним противоречиям, что это может привести к гражданской войне. Но в *суверене* есть столько же противоречий, сколько есть нерешительности в каждом отдельном человеке, и как бы много их ни было — их всё равно меньше, чем в целом собрании. И это пятый аргумент, который он высказывает. Есть ещё один его аргумент за абсолютную монархию сверх того.

(42:13) **ДМ:** Я под впечатлением, Джейсон, как во многом ты весьма благорасположен к представлениям Гоббса.

(42:23) **ДРД:** Я думаю, это шокирует — насколько убедительны данные аргументы — при неоспоримости либерально-демократических политических структур в наше время. Однако это не значит, что такая система может быть даже отдалённо представимой для любой страны или для любого общества в мире. Но есть определённые страны с сильной традицией монархии. И в них сложилась конкретная социополитическая ситуация, в которой сильная власть *суверена* будет более благоприятной, чем слабая власть *суверена*. И одна из этих стран — конечно же, Иран.

(43:04) **ДМ:** И в то же время я нахожу, что ты в чём-то критикуешь Гоббса.

(43:10) **ДРД:** Да, я думаю, что, поскольку Гоббс пытается выдвинуть аргумент за божественное право королей, то тот цинизм, с которым он смотрит на религию, обличает его в определённом лицемерии в его аргументах. Гоббс полагает, что люди соглашаются на общественный договор, чтобы образовать государство, из-за страха за свои жизни и из-за страха насилия. Но это — не то отношение, которое есть у кого-либо по отношению к священному. Итальянский постмодернистский философ Джорджо Агамбен написал книгу "Homo Sacer" (лат. *"человек священный" или "человек проклятый" — прим. пер.*). В ней он рассматривает священную природу суверенной силы. И в особенности он ссылается на древний римский закон, имеющий отношение к личности, которая с одной стороны объявлена самой нечистой и самой оскверняющей индивидуальностью в обществе — до такой степени, что её изгоняют и лишают защиты закона, и любой может безнаказанно убить эту личность. А с другой стороны, такая личность, *Homo Sacer*, или Священный Человек, не может быть принесена в жертву. И это показывает насколько архаичен рассматриваемый закон, потому что он явно восходит ко временам, когда были человеческие жертвоприношения. То есть эта личность не может быть ритуально принесена в жертву, потому что она святая! Но она может быть безнаказанно убита кем угодно. И это указывает на неоднозначность понятия *священного*, которое, с одной стороны, видится как нечто неприкасаемое, то, с чем нельзя находиться рядом, потому что это что-то страшное и оно может уничтожить тебя. А, с другой стороны, это — нечто наиболее достойное поклонения. И

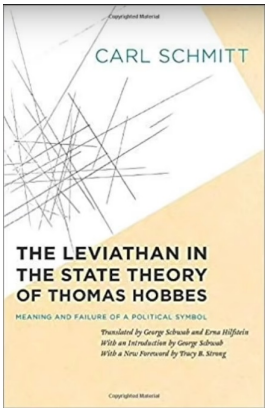


суверен в самой изначальной форме монархии обладал этой священной аурой вокруг себя. Люди, чтившие *суверена*, те, кто возвели его на престол, были более чем готовы отдать свои жизни за личность, которую они представляли окружённой божественным светом или аурой.

(45:38) **ДМ:** Здесь есть это понимание Левиафана, зверя, что представляет тёмную сторону каждого человеческого существа. И идея того, что государство — с целью эффективно функционировать как подавитель животной природы в людях — само полагается на пугающий животный аспект, на самого Левиафана, на зверя, на чудище.



(46:06) **ДРД:** Несомненно. И Агамбен в "Homo Sacer" показывает, как в германском средневековом праве, в германском и англосаксонском законе эта фигура, которую древние архаичные римляне называли *Homo Sacer*, появляется вновь как человеко-волк, оборотень или личность, олицетворяемая *wulfesheud* — "волчьей головой". И он говорит, что по сути эти германские и англосаксонские теоретики суверенной власти распознали, что *человек как волк* в своём природном состоянии пребывает в личности *суверена*. То есть природное состояние остаётся в сердце цивилизованного общества — в личности *суверена*. *Суверен* всё ещё воплощает эту волчью природу человека, от которой общество избавилось посредством создания государственного аппарата. И этим подчёркивается хрупкость государственной власти. Люди, которые говорят о власти закона, что закон должен править всем, конституция превыше всего! — они не понимают, что природное состояние не где-то в прошлом. Гоббсовское природное состояние — это хаос, который всегда опасно бьёт ключом из глубин человеческой психики. Природное состояние возникает в государстве, потерпевшем крах. Это то, что случается, когда государство рушится, распадается, подрывается изнутри. Вы возвращаетесь к естественному состоянию в этих условиях. И Гоббс делает спорное утверждение, что в данном состоянии не существует преступлений. Потому что преступления есть лишь там, где есть закон. Когда государство рухнуло и жизнь перешла в естественное состояние, то преступлений больше нет. И *суверен*, который и есть этот человеко-волк, оборотень в самом сердце государственного аппарата, должен постоянно восстанавливать закон посредством своих суверенных решений. Это становится совершенно ясно в чрезвычайном положении, когда конституционные права отменяются: будь то это случай природной катастрофы, как землетрясение или ураган — та же "Катрина" (*ураган "Катрина", самый разрушительный ураган в истории США, который произошёл в конце августа 2005 года — прим. пер.*), например, или же это война, или попытка революции. В любом случае бывают времена, когда суверенная власть приостанавливает действие конституции, и законы не работают как прежде. Но всё же порядок остаётся, порядок, поддерживаемый решениями *суверена*. И это показывает то, что суверен всё ещё совершает тот вид насилия, который существует в природном состоянии, как человек, который в то же самое время и волк. И вовсе не какая-то абстрактная,



рациональная система законов поддерживает государство. На самом деле это власть *суверена* поддерживает государство на постоянной основе.

(49:15) **ДМ:** Я полагаю, твой личный взгляд на то, что значит суверенность, подразумевает, что материализм Гоббса, несмотря на его библейские отсылки, неполноценен. В нём нет адекватного обращения к человеческой природе, к тому, чем она на самом деле является.

(49:42) **ДРД:** Это возвращает нас к вопросу о божественном праве королей, из-за которого я поднял этот вопрос о волчьей голове. И в иранской традиции священного царствования есть две близко связанных концепции: *фарр э кийани* — "царская слава" и *фарр э изади* — "божественная слава". И обе из них символизируются нимбами, сияниями вокруг голов царей или пророков. Так что неслучайно эта художественная традиция, произошедшая из Ирана и проникшая благодаря иранскому распространению буддизма по Шёлковому пути на восток, стала тем, что можно увидеть в буддийском искусстве. И она также проникла на запад благодаря митраистскому влиянию на Римскую империю и стала особенностью средневекового европейского искусства. Нимб вокруг головы царя в случае *фарр э кийани*, царской славы или вокруг головы пророка в случае *фарр э изади*, божественной славы — в это заложена идея, что в древнейшие времена суверенная власть строилась на основе харизмы героического лидера. И это был почти свет или аура, которую люди могли ощущать, вокруг человека, который обладал способностями направлять общество, кто на самом деле играл, можно сказать, роль шамана. Это человек, который был шаманом данного общества. И это мог быть шаман, который играл роль более религиозного вождя, и в данном случае мы говорим о *фарр э изади*. Или это мог быть героический вождь, подобно, в самой примитивной форме — вождю охоты, вождю большого охотничьего похода. А иранская культура была культурой охотников. На протяжении иранской истории были сделаны всевозможные рельефы, которые изображают царскую охоту. Или же это вождь военного похода. В любом случае именно харизма такой персоны была первым основанием для легитимности *суверена*. В своих работах о природе харизмы и её роли в обществе Макс Вебер по-настоящему подчёркивает харизматический базис самых ранних форм суверенной власти. И я думаю, когда Гоббс критикует мистику в "Левиафане", когда он

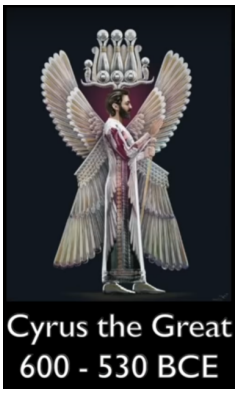








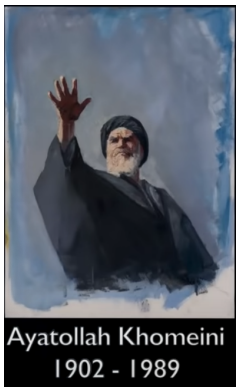
отвергает демоническое, когда он отвергает то, что люди могут творить чудеса в настоящее время или что могут быть новые божественные откровения, то степень цинизма и скептицизма здесь такова, что она обессмысливает само понятие божественной королевской славы, которое лежит в основе божественного права королей. И в иранской традиции, вопреки тому, что было сказано, величайшими *суверенами* были те, кто обладал как *фарр э изади*, так и *фарр э кийани* — например, Кир Великий, провозглашённый евреями мессией, теми, кто даже не был иранцами. Кир Великий — это тот, кто обладал как духовной шаманской аурой, так и харизмой великого политического лидера. И можно увидеть это неоднократно в течение иранской истории, если посмотреть , например, на Хасана Ибн Саббаха, лидера ордена ассасинов, сочетавшего *фарр э изади* и *фарр э кийани*, и на Шаха Исмаила Сефеви, основателя Сефевидской династии, который восстановил обособленное иранское государство после сотен и сотен лет его отсутствия. Он был главой суфийского ордена, которому были абсолютно преданы его последователи. Для них он был *пиром* (*перс.* "*старец*" *— прим. пер.*) или *муршидом* (*перс.* "*наставник*"*,* "*учитель*" *— прим. пер.*), суфийским лидером. И впоследствии он смог обрести политическую власть на основе духовной преданности своих последователей.

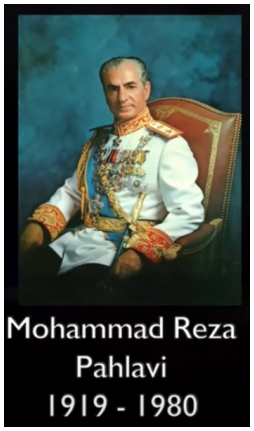






(53:45) **ДМ:** Я полагаю, Аятолла Хомейни был также из этой категории.





(53:50) **ДРД:** Это очень завлекательный и спорный вопрос. Потому что можно увидеть в последнем шахе Ирана, Мохаммеде Реза Пехлеви, того, кто ближе к гоббсовской концепции абсолютного *суверена*. И в течение того периода, когда он проводил свои впечатляющие реформы, которые он называл "белая революция", начиная с 1963-го года, шах критиковался, особенно западными журналистами, за осуществление абсолютной власти, даже в чём-то нарушавшей иранскую конституцию. В Иране в

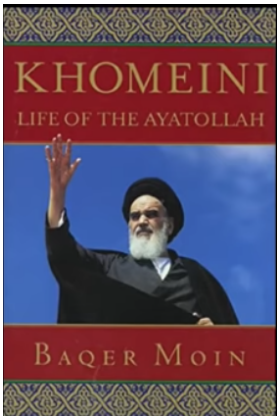


1906-м году произошла конституционная революция, которая установила парламент и ограничила власть шаха, обозначила пределы власти монарха, исполнительной власти, определила обязанности парламента и тому подобное. И шах критиковался за разрушение парламентской формы конституции. И первоначально он обращался к иранским традициям священного царствования, чтобы оправдать свои действия, он мог сказать: "Смотрите, демократия — не иранская традиция. Я не демократ. Наша страна обладает 2500-летней традицией монархии". Он провел празднование 2500-й годовщины Персидской империи в 1971-м году. Тогда он обратился к духу Кира Великого и сказал: "Спи крепко, ведь мы бдительно бодрствуем. Спи, Кир, ибо я поддерживаю твоё пламя горящим".

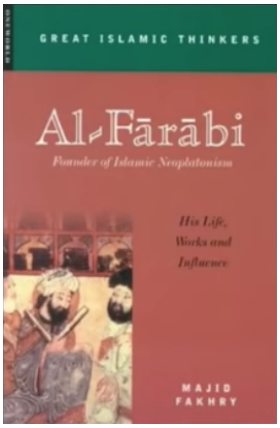


(55:26) **ДМ:** Известные последние слова.

(55:27) **ДРД:** Известные последние слова, и почему это известные последние слова? Потому что этот же монарх, оправдывавший очень жёсткую конструктивную политику реформ, опираясь на священную иранскую традицию царствования, давал в 1977-78 годах западным журналистам интервью, в которых он хвалился либерализацией прессы в Иране, разрешением свободной прессы в Иране, освобождением всех политических заключённых: от крайних марксистов и маоистов до исламских фундаменталистов, и обещал сделать Иран демократией, сравнимой с Францией. Другими словами, Иран собирался стать такой парламентской монархией, такой конституционной монархией, что она будет настолько же либерально-демократической, как Франция или Британия. Он по-настоящему поменял позицию в 70-х, можно удивиться — почему? Я думаю частично из-за того, что он был серьёзно болен, его силы истощал рак в конце 70-х, он был под постоянным медицинским присмотром. Кто знает, почему он принял это решение, но это в конечном счёте привело Иранское государство к беззащитности и к успешному захвату власти Аятоллой Хомейни, если возвращаться к твоему вопросу. И таким образом, это может очень потревожить иранских монархистов, если они услышат это, но если посмотреть на то, как Аятолла Хомейни правил, прежде всего как он пришёл к власти, как эти миллионы людей в Иране приветствовали его как харизматичного лидера, посмотреть на тот вид духовной легитимности, которой этот человек обладал, на то, как он успешно осуществлял суверенную власть в течение тех девяти лет, когда Иран был под его контролем, то он больше соответствует образу гоббсовского абсолютного монарха, больше, чем Мохаммед Реза Пехлеви. Он был личностью, которая, если проанализировать его с позиций иранских политических концепций *фарр э изади* и *фарр э кийани* — это спорно, но он мог обладать как *фарр э изади*, так и *фарр э кийани*. Также, как и Шах Исмаил Сефеви. Обычно считают Аятоллу Хомейни исламским фундаменталистом. Конечно, он



был в окружении многих исламских фундаменталистов, многих исламистов. Тех, кто хотел дойти до того, чтобы сесть в бульдозеры и давить ими древние персидские руины, и тех, кто хотел совсем избавиться от иранского флага и заменить его исламским знаменем. Но мы знаем, что этого не произошло. Ничего из этого. И если мы посмотрим на жизнь Хомейни — это не тот человек, которого интересовало законничество. Его курс обучения как шиитского теолога был по преимуществу связан с философией и мистицизмом. Это человек, который в своей теологической школе в городе Кум и позднее в Ираке в городе Наджаф занимался как греческой философией, так и средневековыми иранскими философами, такими как Фараби, который подробно продумал теорию священного царствования. Аятолла Хомейни хорошо разбирался в суфизме и в эзотерической шиитской философии. И я думаю, мы должны учитывать это, когда сравниваем: его манеру управления, с одной стороны, и манеру управления Мохаммеда Реза Пехлеви, с другой — с образом монарха в гоббсовском "Левиафане". Особенно учитывая факт, что гоббсовский *суверен* — наместник Бога на земле.



(59:22) **ДМ:** И ты утверждаешь, что Хомейни был ближе к этому идеалу?

(59:27) **ДРД:** Я думаю, это очень важно, когда мы думаем об обществах в философском смысле и анализируем правительства — отделять форму от содержания. Есть очень много исламистского содержания в господствующей идеологии Исламской Республики Иран. Но политическая форма Исламской Республики Иран ближе к традиционной иранской концепции монархии, чем даже государство, управлявшееся Пехлеви, государство, возникшее благодаря конституционной революции 1906 года.

(1:00:06) **ДМ:** Что ж, Джейсон Реза Джорджани, снова увлекательное обсуждение, непростое обсуждение, я думаю, многие из наших зрителей будут чесать свои головы из-за столь многих нюансов. Но я думаю, эти нюансы на самом деле отражают твои собственные глубокие размышления об этих проблемах.

(1:00:26) **ДРД:** Думаю, что да, Джеффри, спасибо за возможность их высказать.

(1:00:29) **ДМ:** С удовольствием. Спасибо за то, что был со мной здесь, в Альбукерке, Джейсон.

(1:00:33) **ДРД:** Спасибо, Джефф.

(1:00:34) **ДМ:** И спасибо *вам* за то, что были с нами.

(Translated by Zostrianos)

New Thinking Allowed Foundation



В поддержку бесед на передовом рубеже познаний и открытий с психологом Джеффри Мишлавом.

Смотрите другие видео на нашем YouTube-канале.